

**А. Е. Бурцев**

**Словарь редких книг и гравированных  
портретов. Том 5**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84  
А11

А11 **А. Е. Бурцев**  
Словарь редких книг и гравированных портретов. Том 5 / А. Е. Бурцев – М.: Книга по Требованию, 2018. – 447 с.

**ISBN 978-5-518-06130-9**

**ISBN 978-5-518-06130-9**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2018  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.





турной дѣятельности Пнина въ этомъ направленіи особенно способствовало начало царствованія Александра I. Онъ примкнулъ къ той группѣ молодыхъ петербургскихъ писателей, изъ которыхъ составилось «Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ». Стихотворенія его, написанныя въ это время, печатались въ «Журн. Росс. Словесн.» и Журн. для пользы и удовольствія, а по смерти П-ва «Благонамѣренномъ» и «Пантеонъ русской поэзіи».

Свой взглядъ на образъ правленія Пнинаъ выразилъ въ баснѣ «Царь и

придворный». Придворный сравнивается съ верхнимъ камнемъ пирамиды, а нижніе основные камни—съ народомъ, созданнымъ для него. На лестъ придворнаго царь отвѣчаетъ словами:

«Тотъ камень, что свой блескъ бросаетъ съ высоты,  
Разбился-бъ въ прахъ—частей его не отыскали,  
Когда-бъ минуту хоть одну,  
Поддерживать его другіе перестали».

См. «Энциклопедическій Словарь» т. XXXIII, 946 стр.



**ОПЫТЪ**  
О  
**ПРОСВѢЩЕНІИ**  
ОТНОСИТЕЛЬНО  
къ

**РОССІИ.**

Сочиненіе **Ивана Лнина.**

---

L'instruction doit etre modifiée selon la nature du gouvernement  
qui régit le peuple.

**I. A. CHAPTAL.**

---

Съ дозволенія С.-Петербургскаго Гражданскаго Губернатора.

---

**САНКТПЕТЕРБУРГЪ.**

Въ типографіи **Ивана Глазунова,**

**1804** года.

Блаженны тѣ Государи и тѣ страны, гдѣ гражданинъ,  
имѣя свободу мыслить, можетъ безбоязненно сообщать  
истины, заключающія въ себѣ благо общественное!

## О П Ы Т Ъ

О ПРОСВѢЩЕНИИ ОТНОСИТЕЛЬНО КЪ  
РОССІИ.

Въ чемъ состоятъ должно истинное  
просвѣщеніе?

Если бы Творецъ міровъ, какъ говоритъ великій Эйлеръ, восхотѣлъ въ безмѣрномъ пространствѣ небесъ возжечь новое свѣтило, то лучи его не прежде бы достигли до насъ, какъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Равнымъ образомъ свѣтильникъ просвѣщенія, благотворительною рукою мудраго законодателя возженный, не прежде лучезарнымъ сіяніемъ своимъ можетъ озарить моральную сферу, какъ въ теченіе продолжительныхъ временъ. И такъ, будущіе вѣки должны служить зеркаломъ для настоящихъ дѣлъ законодателя. Творческій духъ его непремѣнно преносится долженъ въ сію глубокую отдаленность, въ сей мысленный міръ, и тщательно изслѣдовать, какое вліяніе настоящія предпріятія его произвести могутъ на племена будущія.

Россія, со временъ Рюрика, множество имѣла обладателей. Каждый изъ нихъ болѣе или менѣе напечатлѣлъ на оной свое могущество, и исторія съ довольною точностью представляетъ намъ какъ всѣ отбѣнки онаго, такъ и грубость тогдашнихъ временъ. Россія имѣла многихъ обладателей, но правителей мало. Повелѣвать и управлять при первомъ взглядѣ, кажется, означаютъ одно и то же, но въ существенныхъ дѣйствіяхъ своихъ весьма между собою различны. Можно повелѣвать государствомъ, не управляя онымъ; ибо власть самодержавія, истекая изъ единой воли, рѣдко какую либо цѣль предполагающей, зависитъ почти всегда отъ расположенія духа

дѣйствующей особы. Управлять же народомъ, значить пешихъ о немъ, значить наблюдать правосудіе, сохранять законы, поощрять трудолюбіе, награждать добродѣтель, распространять просвѣщеніе, подкрѣплять церковь, соглашать побужденія чести съ побужденіями пользы, словомъ, созидать общее благо, и къ сему единственному предмету желаній гражданина, посредствомъ начертанныхъ для того правилъ, постановленнаго порядка и мудрой дѣятельности, открыть истъмъ свободный путь. И потому Домитіаны и Калигулы повелѣвали Римомъ, но Ликурги и Солоны управляли Спартою и Аѣинами.

Изъ исторіи сихъ великихъ законодателей ясно видѣть можно, сколь законы, примѣненные къ нравственности и духу народа, согласенные съ климатомъ и мѣстными обстоятельствами, бываютъ прочны, неизмѣнны, сильны къ сохраненію могущества своего въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Петръ Великій, сей безсмертный Монархъ, отецъ отечества, между всѣми своими неусыпными въ пользу народа попеченіями, учрежденіемъ Сената, дарованіемъ правъ сему верховному судилищу, явилъ равномерно истинный духъ законодательства, и Россія, съ сей толико славной для нея эпохи, получивъ опредѣленный родъ правленія, поступила въ число монархическихъ европейскихъ державъ. Геній сего премудраго государя, не могшій терпѣть никакихъ ограниченій, никакой постепенности въ образованіи такъ многосложныхъ государственныхъ отраслей, но желая вдругъ образовать Россію во всемъ ея пространствѣ, желая при жизни своей увидѣть оную въ цвѣтущемъ состояніи, предпринималъ для сего нерѣдко такіа мѣры, которыя не только не произвели желанныхъ успѣ-

ховъ, но въ послѣдствіи показали даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ совсѣмъ тому противное. Если бы Петръ Великій, соотвѣтственно проницательности и дальновидности своей, имѣлъ способныхъ исполнителей, то безъ всякаго сомнѣнія, ежели не цѣлымъ, то по крайней мѣрѣ половиною кѣвка ускорилъ бы онъ успѣхи въ тѣхъ предметахъ на которые простиралъ свои виды. Но какъ въ таковыхъ людяхъ имѣлъ онъ великій недостатокъ, и долженъ самъ былъ образовать ихъ, то посему и къ цѣли, имъ предполагаемой, доходилъ медленно и съ чрезвычайными усилиями. Мысль, которая сдѣлалась почти общею, поселилась къ несчастію въ головы великихъ людей, и которая даже на самого преобразователя Россіи простерла свое владычество; мысль, чтобы невѣжественнымъ народомъ управлять страхомъ и жестокими законами, есть сколько несправедлива, столько и противна природѣ. Ибо всякій народъ, въ невѣжество погруженный, означаетъ еще свое младенчество: то есть въ такомъ находится возрастъ, въ которомъ каждый гражданинъ, особенно пріемлемый, далече отстоя отъ опытовъ, не зная ни прямыхъ отношеній, связующихъ его съ прочими гражданами, ни настоящихъ обязанностей въ разсужденіи власти, имъ управляющей, по сему печальному своему невѣдѣнію при каждомъ шагѣ подверженъ бываетъ заблужденіямъ, которыя, по справедливости суда, не наказанія, но болѣе исправленія требуютъ. Возмужалый невѣжда подобенъ сильному младенцу, который, слѣдуя безразсудному внушенію своихъ желаній, стремится равно какъ къ доброду, такъ и къ худому. Ежели мы видимъ человѣка, вредящаго самому себѣ, предпочитающаго зло добру, то должны заключить, что онъ обманывается, что

воображеніе его заблуждаетъ, что страсти его увлекаютъ въ оное. Если видимъ его отказывающагося отъ удовольствія, которымъ бы онъ воспользоваться могъ, то конечно дѣлаетъ сіе съ тѣмъ, что имѣетъ въ виду удовольствіе гораздо большее, продолжительнѣйшее, или отдаленное счастье, которое онъ посредствомъ таковыхъ своихъ лишеній, или даже чрезъ кратковременное терпѣніе, получить надѣется. Человѣкъ ни на одну минуту въ жизни своей не можетъ, такъ сказать, отдѣлиться отъ самого себя; все, что онъ ни покушается, что ни предпринимаетъ, что ни дѣлаетъ, все то имѣетъ предметомъ доставленіе себѣ какого-нибудь блага или избѣжаніе несчастія. Если мы видимъ его плачущаго надъ урной своей супруги, своихъ дѣтей, своего друга, необходимыхъ для его сердца, то видимъ его самого себя оплакивающаго. Не хладный и нечувствительный прахъ исторгаетъ слезы наши и наше сожалѣніе, но удовольствіе и благополучіе, коихъ видимъ себя лишеными; сіе то мучительное чувство лишенія иногда чувствительнаго человѣка ввергаетъ во гробъ. Слѣдовательно во всѣхъ своихъ мысляхъ, страстяхъ, дѣяніяхъ чаеъ человѣкъ по мѣрѣ своего просвѣщенія находитъ свое счастье; и потому все искусство законодателя, предпринимающаго начертать законы для народа, въ невѣжествѣ пребывающаго, должно состоять въ томъ, чтобы частныя страсти направить къ единой цѣли, общее добро заключающей, и къ коей не строгостію наказаній, удобныхъ произвести въ душахъ большое только ожесточеніе, но чрезъ просвѣщеніе можно довести людей. И такъ разсмотримъ, что такое есть просвѣщеніе?

Изъ всѣхъ политическихъ предметовъ, ни одинъ столько не занимаетъ

философовъ, какъ сей. Сколько издано книгъ о народномъ просвѣщеніи! Каждый философъ не упустилъ въ свою чреду соорудить систему и предложить оную какъ свѣту какъ самую удобнѣйшую, по крайней мѣрѣ, по его мнѣнію.—И по истинѣ предметъ сей по своей важности заслуживаетъ величайшее вниманіе, особливо со стороны такого государя, которому самыя обстоятельства споспѣшествуютъ въ желаніяхъ для образованія народовъ, ему подвластныхъ.

Просвѣщеніе, въ настоящемъ смыслѣ приемлемое, состоитъ въ томъ, когда каждый членъ общества, въ какомъ бы званіи ни находился, совершенно знаетъ и исполняетъ свои должности: то есть, когда начальство со своей стороны свято исполняетъ обязанности ввѣренной оному власти, а нижняго разряда люди ненарушимо исполняютъ обязанности своего повиновенія. Если сіи два состоянія не преступаютъ своихъ мѣръ, сохраняя должное въ отношеніяхъ своихъ равновѣсіе, тогда просвѣщеніе достигло желаемой цѣли. Есть люди, которые о просвѣщеніи народовъ заключаютъ по числу ихъ сочинителей: то есть тамъ, гдѣ больше находится сочинителей, тамъ болѣе и просвѣщенія. По мнѣнію сихъ людей, Франція должна бы почестся наипросвѣщеннѣйшею страной въ свѣтѣ, потому что она обильнѣе всѣхъ прочихъ своими писателями. Но сколь при всей ея блистательной учености далеко еще отстоитъ она отъ истиннаго образованія. Ибо тамъ, гдѣ царствуетъ просвѣщеніе, тамъ спокойствіе и блаженство суть удѣломъ каждого гражданина. Но доколѣ власть во зло употребляетъ довѣренность, обществомъ ей дѣлаемую, доколѣ подчиненность не перестаетъ выходить изъ своихъ предѣловъ и доколѣ равновѣ-

сіе гражданскихъ взаимностей теряется, дотолѣ та страна, хотя бы она состояла вся изъ ученыхъ и философовъ, едва ли счастливѣе той, которая покрыта мракомъ невѣжества.

Франція, совершивъ ужасный переворотъ своего преобразованія, терзая собственную свою утробу и алкая повсемѣстно крови, вмѣсто того, чтобы возвратить нужныя силы государству, по словамъ ея въ долговременномъ изнуреніи находившемся, вмѣсто того, чтобы укрѣпить его и дать всему твердое основаніе, призвала къ себѣ на помощь мнимыхъ мудрецовъ своихъ, которые, являсь въ лицѣ законодателей или, вѣрнѣе сказать, истребителей, мгновенно разрушивъ всѣ преждебывшія государственныя постановленія, на сихъ печальныхъ развалинахъ положили основаніе зданію своей толико ужасной по дѣйствию и соблазнительной по правиламъ конституціи; но опытъ показалъ, сколь основаніе сіе было худо, сколь легко было оное испровергнуть, ибо жребій ихъ отечества находится уже въ рукахъ иноземца.

Законодательный французскій совѣтъ, при сочиненіи сей своей конституціи, представленной имъ народу 24 іюня 1793 года, совсѣмъ отдалился отъ настоящаго предмета. Можетъ быть, нѣкоторые скажутъ мнѣ, что сіе не могло быть иначе, и что въ таковыхъ обстоятельствахъ обыкновенно бывають таковыя послѣдствія. Разумѣю, они хотятъ симъ сказать мнѣ, что вся революція предпринята была для Бонапарта, чтобы возвести его на бурбонскій престолъ, поднести ему титулъ императора и вручить гораздо большую власть, нежели каковою пользоваться нѣкогда могли короли французскіе. Согласенъ я, что Франція ничего не опустила сдѣлать для славы перваго консула; чтожъ

сдѣлала она для собственной своей славы, того я не вижу.

Но какъ настоящее положеніе Франціи есть послѣдствіе ея революціонной конституціи, которая, возжегши пламень раздоровъ въ самомъ сердцѣ Франціи, бросала пагубныя искры свои даже въ предѣлы другихъ державъ, то посему неизбежно будетъ рассмотретьъ, какимъ образомъ сословіе мужей, извѣстныхъ своею ученостію и просвѣщеніемъ, могло толь несообразное положить основаніе законамъ, на которыхъ должны покоиться общая безопасность и счастье.

Сія ихъ конституція заключаетъ въ себѣ болѣе метафизическихъ разсужденій, нежели простыхъ, вразумительныхъ истинъ. И потому неудивительно, что народъ не могъ разумѣть оной, поелику она превышала его понятія. Сумнительно, чтобы и сами законодатели хорошо разумѣли оную, когда основаніемъ сей конституціи приняли, во-первыхъ, права человѣка, потомъ вольность, потомъ равенство и наконецъ собственность, какъ бы изъ сихъ правъ уже истекающую. Какое разительное противорѣчіе! Какая нелѣпость даже въ самомъ основаніи законовъ! Сіи законодатели метафизики, желая изъ естественнаго источника почерпнуть законы, почерпнули оныя изъ своего воображенія.

Права человѣка согласуются ли сколько нибудь съ правами гражданина, и какія права можетъ имѣть естественный человѣкъ, который только умственно разумѣемъ быть можетъ. Дикій или естественный человѣкъ, живя самъ собою, безъ всякаго отношенія къ другимъ, руководствуется одними только естественными побужденіями или нуждами, имъ самимъ удовлетворяемыми. Доколѣ пребываетъ онъ въ семъ состояніи, дотолѣ ничѣмъ не отличается отъ прочихъ животныхъ. Слѣдовательно

естественный человѣкъ, имѣя однѣ только нужды, не можетъ никакихъ имѣть правъ, ибо самое слово сіе означаетъ уже слѣдствіе нѣкоторыхъ отношеній, нѣкоторыхъ условій, нѣкоторыхъ пожертвованій, въ замѣну коихъ получается сей общій залогъ частнаго благосостоянія. Человѣкъ, изъ нѣдръ природы въ нѣдра общества прешедшій, въ сей только минуты началъ познавать права, дотолѣ ему неизвѣстныя, и которыя столько различествуютъ отъ первоначальныхъ нуждъ его, сколько онъ самъ различествуетъ отъ гражданина. Всякій человѣкъ можетъ сдѣлаться гражданиномъ, но гражданинъ не можетъ уже сдѣлаться человѣкомъ. Переходъ перваго изъ дикаго состоянія въ общество согласенъ съ цѣлію природы; переходъ же другаго изъ общежитія къ дикости былъ бы противенъ оной. Естественный человѣкъ во всякую минуту жизни своей стремится къ своему сохраненію, и чувство сіе ни на минуту его не покидаетъ. Напротивъ того, истинный гражданинъ на всякое мгновеніе готовъ пожертвовать собою и не столько печется о своемъ сохраненіи, сколько о сохраненіи своего отечества.

Изъ чего ясно видѣть можно, сколь мнимыя права человѣка противоположны правамъ гражданина. Сколь система, стремящаяся къ распространенію таковыхъ правъ, ведетъ къ гибели, поселяетъ духъ раздоровъ, возжигаетъ всеобщій пожаръ и, потрясая самое основаніе царствъ, столько вѣковъ создававшихся, наконецъ оныя испровергаетъ.

Отъ сѣмени сего перваго ихъ закона должно было непремѣнно произрасти древу вольности, коего очаровательныя по наружности своей плоды, заключая въ себѣ сокровенный ядъ, который силою своею побѣдя силу разсудка, воспламеняя воображеніе, производитъ то



бѣшенство и неистовство, въ каковыхъ только Франція могла дать примѣры, долженствующіе въ лѣтописяхъ міра изображены быть кровавыми чертами.

Такой ли свѣтъ должны были законодатели сіи пролить на тѣ законы, отъ которыхъ зависѣло не только блаженство настоящаго, но и будущихъ поколѣній! Думая превзойти самую природу, казавшуюся для нихъ уже слишкомъ простою, они вопреки разсудку хотѣли въ томъ настоять, что симъ мечтательнымъ путемъ своимъ достигнуть народнаго счастья, ими предполагаемаго. Но нѣтъ, сей избранный ими путь есть страшная бездна, которая не перестанетъ поглощать народы, и который никогда не доведетъ до дверей храма, гдѣ царствуетъ истина, отвергающая таковыя законы.

Мысль ихъ о вольности не есть-ли совершенно метафизическая мысль? \*). Принявши худо понимаемую ими природу человѣка за основаніе коренныхъ своихъ постановленій, они однакожь не перестаютъ въ прочихъ отношеніяхъ своихъ давать себѣ названія гражданъ, налагающія на нихъ безъ сомнѣнія гораздо большія обязанности, нежели мнимыя ихъ права человѣка, подающія только поводъ къ мятежамъ и междуусобицамъ.

Если бы они съ большимъ вниманіемъ изслѣдовали человѣческую природу, то увидѣли бы, что вольность, сей боготворяемый ими кумиръ, есть не иное что, какъ призракъ воспламеннаго ихъ воображенія, и которая никогда не была удѣломъ человѣка, въ какомъ бы состояніи онъ ни находился.

\*) Смотри Article 6. Constitutions des principaux états de L'Europe, et des états-unis de L'Amerique; томъ пятый, сочиненіе славнаго писателя de la Croix, Страница 329.

Если преслѣдуемъ человѣка во глубину дремучихъ лѣсовъ, и изъ сего ужаснаго жилища выведемъ его на сцену общественной жизни, то найдемъ, что онъ въ обоихъ сихъ случаяхъ не можетъ имѣть той вольности, которую они предполагали. Поелику въ первомъ, совершенно зависитъ онъ отъ естественныхъ своихъ нуждъ, а во второмъ отъ общественныхъ законовъ.

Если человѣкъ, въ дикомъ состояніи пребывающій, мучимый голодомъ, покушается на отнятіе пищи у другаго, то конечно дѣлаетъ сіе по неволѣ, по чувству, движущему его къ своему сохраненію, по побужденію своихъ нуждъ и сила въ семъ случаѣ есть не иное что, какъ орудіе, данное природою для удовлетворенія оныхъ. Когда бы человѣкъ вовсе не имѣлъ нуждъ, то не имѣлъ бы надобности и въ силѣ, которая дотолѣ пребываетъ въ бездѣйствіи, доколѣ чувства молчатъ: въ противномъ случаѣ вмѣстѣ съ оными пробуждается. И потому состояніе дикости не есть, какъ многіе философы опредѣляютъ, право сильнаго, но нужда сильнаго, ибо право, какъ я выше сего уже показалъ, не можетъ быть совмѣстно съ состояніемъ дикаго человѣка, и которое ничѣмъ не отличалось бы отъ правъ медвѣдя, волка и прочихъ животныхъ, силою естественныхъ побужденій управляемыхъ.

Равнымъ образомъ человѣкъ, вступая въ общество, пріемля названіе гражданина, перерождается, такъ сказать, и получаетъ новое бытіе. Увидя себя въ кругѣ подобныхъ ему людей, имѣющихъ одинакія съ нимъ желанія, чувства, потребности и страсти, при каждомъ шагѣ началъ познавать ихъ на себя вліяніе, свои къ онымъ отношенія, чувствовать, что счастье его отъ оныхъ нераздѣльно, и сія-то нужда, которую началъ находить онъ въ нихъ, пока-

завъ ему, что и прочіе равную въ немъ благосостоянію своего имѣютъ нужду, открыла ему все пространство его должностей. Сіи должности произвели законы, законы наложили на него узы зависимости, и человѣкъ въ кругѣ общежитія, между людей сдѣлался еще менѣе воленъ, нежели какъ онъ былъ въ первобытномъ своемъ состояніи.

Но сего недовольно. Сіи законодатели, дабы явить конституцію свою во всемъ ея совершенствѣ, включили еще въ основаніе оной равенство, стоящее имъ столько крови и уничтожающее всякое право собственности.

Вотъ по истинѣ достойный плодъ насажденнаго ими древа вольности! Духъ безначалія, перемѣшавшій всѣ гражданственныя состоянія, вооружившій развращенное тунеядство противу добродѣтели, лѣность противу трудолюбія, своеволие противу порядка, поправшій священныя права собственности, и наконецъ заглушившій чувствованія сердца, возсталъ противъ самого Бога, опровергнувъ святыя алтари и храмы, воздвигнутыя на прославленіе Его величія, и въ которыхъ несчастный находилъ единственную свою отраду.

Откуда призвали они сіе равенство, сіе изчадіе раздоровъ? \*) Я не нахожу онаго ни въ исторіи протекшихъ вѣковъ, ни въ нѣдрахъ природы. Какой счастливѣйшій народъ, по ихъ мнѣнію, управлялся безначаліемъ? Когда народа во младенчествѣ человѣческихъ обществъ являла примѣры сего равенства, которое упоевало ихъ души? Нѣтъ, если бы они хотѣли послѣдовать природѣ, то конечно узнали бы, что не сіе гибельное ихъ равенство, но что неравенство силъ человѣческихъ соединило и сохраняетъ людей. По сей-то

причинѣ самыя безсильныя соединились между собою для защищенія своего отъ нападенія сильныхъ, и соглашеніемъ частныхъ силъ своихъ составили общую силу или, что все равно, законъ, долженствовавшій сохранять общее въ оныхъ равновѣсіе и предупреждать всякое въ оныхъ злоупотребленіе. Слѣдовательно, отъ неравенства силъ человѣческихъ произошли общества, отъ обществъ произошли законы, отъ законовъ стали зависѣть гражданственное благосостояніе и твердость.

Сихъ изслѣдованій, кажется, довольно, чтобъ увидѣть, сколь система такого рода пагубна, противуестественна, отдалена отъ истиннаго просвѣщенія, отъ прямой цѣли, долженствующей заключать въ себѣ величайшее блаженство величайшаго числа людей \*\*). Сіи изслѣдованія почиталъ я тѣмъ болѣе необходимыми, поелику они касаются до весьма важныхъ предметовъ какъ въ разсужденіи законодателей, такъ и народовъ. Первые могутъ усмотрѣть изъ оныхъ, сколь глубокой требуютъ разсмотрительности всѣ вводимыя вновь постановленія, сколь нужно сообразоваться съ духомъ народа и щадить его предразсудки. Народы съ своей стороны познаютъ, сколь бѣдственны такого рода правленія, что сколь ни великолѣпны права, изъ которыхъ составлена была революціонная конституція Франціи, со всѣмъ тѣмъ, какъ опытъ подтвердилъ, никто въ существѣ самомъ не пользовался оными, что призракъ вольности и равенства, за которымъ гонялись французы, вовлекиши ихъ въ бездну несчастій, исчезъ; и наконецъ увѣрятся, что всѣ состоянія,

\*) Смотри Article 3 de l'Acte constitutionnel; томъ 5, стр. 323 сочинен. de la Croix.

\*\*) Таковую цѣль, говоритъ Беккарій, должны непремѣнно имѣть всѣ законы. Разсужденіе о преступленіи и наказаніи.